

Мас. №1023

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

ЧЕРТЫ ПРАВОВЪ.

По поводу повѣсти А. Чехова „Жена“. Спорный Василий Январь.

I.

Вотъ что я писалъ о г. Чеховѣ года два назадъ:)

„Онъ, не лишень дарованія, онъ умѣетъ разсказывать, и даже очель бойло, видна у него и наблюдательность, порой умѣетъ схватить живыя черты,—но не говоря уже о вѣжливой вульгарности пріема и языка, о постоянномъ, утрированномъ подражаніи симпатичнаго пріема Л. Толстаго, пріемахъ сторванннхъ отъ ихъ смурретило смысла и значенія, не говоря уже о томъ что „бойность“ является плохой змѣной легкости и изящества языка,—не говоря уже обо всемъ этомъ, надо замѣтить что у г. Чехова нѣтъ *обладнвающей мысли*. Отсюда — кажалто растеранность въ томъ и пріемахъ, недозовченность въ изображеніи, тамъ что иногда рошно ничего и конять нельзя. Вотъ почему больша часть великихъ разсказовъ г. Чехова (а они составляютъ по крайней мѣрѣ три четверти всѣхъ его произведеній) представляютъ собою только всего что бойло разсказавчыя анекдоты; вотъ почему въ его немногихъ болѣе крувыхъ вещахъ, какъ, наприимѣръ, въ разсказѣ *Съ тѣмъ*, можно найти намѣтъ на удачный

образъ (отецъ Христофоръ), но и тѣмъ.“

И даже:

„Тамъ вотъ г. Чеховъ ушелъ отъ тенденціозности, которой почти нѣтъ въ его произведеніяхъ, но не дошелъ до обладнвающей мысли, а сталъ писать какъ Богъ на душу положитъ. Это признакъ теперешней какой-то общей умственной и нравственной усталости: „мыслили, мыслили, ничего не вышло, дай-на совѣтъ бросимъ, а будемъ писать какъ, авось что-нибудь и выйдетъ“.“

„Но въ томъ-то и дѣло что мы въ послѣдніа двадцать пять, тридцать лѣтъ очель мало мыслили, а подмѣнивъ коняте о мысли конятекъ о тенденціи, только и дѣлали что занимались безцѣльною, бессмысленною и вредною умственною гимнастикою... А теперь, когда спохватываюсь, оязалось что рѣшительно разучились мыслить, одинъ нѣтъ пріемахъ примѣровъ чего можно слушать г. Чехова, писателя не лишень дарованія, но, и на всѣхъ тѣмъ, ничего не представляющій промѣтъ „коротенькихъ строчекъ, коротенькихъ мыслей“, какъ выразился какъ-то покойный Салтыковъ.“

„И снова бѣдетъ быть конятекъ пріемно. Я говорю не о еорнальной сторонѣ, и уже, конечно, не о величинѣ, не о размахѣ разсказовъ г. Чехова. Чтобы не ходить за сравненіями въ большнхъ художникахъ (тутъ всегда возражають: „ну, что это воздуналъ сравнивать съ Тургеневымъ и Толстымъ!“), величень одного нѣтъ сорвененныхъ беллетристовъ, г. Короленковыхъ беллетристовъ, г. Короленковъ. Дарованіе у него тоже величень, но у него есть „обладнвающая мысль“, есть пріоритетъ, есть

;) В статье: Г. Чехов. По поводу его нового разсказа („Скудная и бурная“). — „Моск. Вед.“, 1889, №345 (I раздѣл).

В. Январь

еще не законченное, не выработанное, очевидно еще самому ему не ясное, но оно есть, и онъ не пишетъ такъ, на-авось, а потому каждый самый маленький рассказъ его (изъ удачныхъ, конечно), какъ, напримеръ, *Старый Зонарь* совершенно законченъ и производятъ цѣльное, изящное впечатлѣніе; даже „отрывки“ его, и тѣ производятъ впечатлѣніе законченности. Не то у г. Чехова. Возьмите самый большой рассказъ его *Степь*, или послѣднюю его повѣсть давшую поводъ для этой статьи: рассказано много, а сказано мало, и что есть тамъ живаго, тонетъ въ массѣ ненужнаго, какъ и во всѣхъ очеркахъ г. Чехова.“)

Послѣ этого отзыва, сдѣланнаго на основаніи нѣсколькихъ книжекъ рассказовъ г. Чехова и появившейся тогда новой его повѣсти *Скучная исторія*, онъ ничего или почти ничего не писалъ. Теперь появляется новая его повѣсть *Жена*. Я принялся за нее съ интересомъ. Въ два года много воды утекло, за два года мало ли какихъ превращенія могли произойти съ г. Чеховымъ. Но оказалось что вода не утекла, и превращеній не произошло. Г. Чеховъ остался тѣмъ же г. Чеховымъ, со всѣми особенностями, охарактеризованными въ только-что приведенныхъ выпискахъ. Все то же утвржденное подражаніе *стихиному* при-смаку Д. Н. Толстаго, все то же отсутствіе объединяющей мысли, все то же „веретельное“, если позволено будетъ такъ выразиться, отношеніе къ жизни. Если что прибавилось, то развѣ претензія на что-то какъ бы высшее, на широкій захватъ, на глубокій анализъ. Но претензія такъ и осталась претензіей, и быть-можетъ, благодаря именно этой повѣсти г. Чехова выжила

гораздо слабѣе прежнихъ его произведеній. Такъ, *стихиное* подражаніе Толстаго доведено здѣсь до комизма, а внутренняго содержанія уже рѣшительно никакого нѣтъ. На первой же страницѣ своей повѣсти г. Чеховъ пишетъ:

„Обезпокоенный анонимнымъ письмомъ, и тѣмъ что каждое утро какіе-то мужики приходили въ людскую кухню и становились тамъ на колѣни, и тѣмъ что ночью изъ амбара вытащили двадцать вудей ржи, сломавъ предварительно стѣну, и общимъ тяжелымъ настроеніемъ которое поддерживалось разговорами, газетами и дурною погодой,—обезпокоенный всѣмъ этимъ, я работалъ выло и неуспѣшно...“

Это до смѣшнаго похоже на Толстаго, до того что вы невольно вспоминаете на какой страницѣ у Толстаго вы читали что-то подобное. Это, конечно, пустяки, и не въ томъ дѣло. Но вотъ что интересно. Почему это наши новѣйшіе беллетристы даже и въ подражаніи нейдутъ дальше вышшняго? Какъ только они пытаются подражать внутреннему смыслу созданій Толстаго, такъ у нихъ ничего не выходитъ. Не удивительно что Толстой наложилъ свою мощную руку на разныхъ беллетристовъ „третьяго сорта“,—это явленіе обыкновенное и постоянно повторяющееся въ исторіи литературы,—но удивительно что даже и подражать не умѣютъ. Такъ, г. Чеховъ въ своей настоящей повѣсти, очевидно, хотѣлъ подражать *Крейеровой Сонатѣ*, но и того не сумѣлъ.

Крейерова Соната—произведеніе не художественное, безъ сомнѣнія, но оно проникнуто такимъ пафосомъ отчаянія, въ немъ слышатся такіе страшные вопли и стонашія истеричной душевной

боли и муки что уже этимъ оно производить неотразимое, хотя и тягостное впечатлѣніе на читателя. Въ этомъ произведеніи мы видимъ страшную борьбу „великаго, но омраченнаго духа“ съ самимъ собой—и уже одно это зрѣлище приковываетъ наше вниманіе. Но развѣ *этому* можно подражать? Вотъ почему то что у Толстаго выходитъ ужасно и отвратительно, у его подражателей выходитъ скучно и низменно; вотъ почему гдѣ Толстой рѣжетъ по живому, тамъ его подражатели лишь копаются въ своихъ собственныхъ мелкихъ чувствахъ и мысляхъ—и ни до чего не могутъ докопаться.

Собственно говоря, больше и нечего сказать о повѣсти г. Чехова, и я не началъ бы этой бесѣды, еслибъ эта повѣсть не давала возможности высказать кое-что *по поводу* ея. И здѣсь, какъ и во всѣхъ большихъ произведеніяхъ г. Чехова, „разказано много, а сказано мало“, кое-что „живое тонетъ въ массѣ не нужнаго“—но вотъ этимъ-то „живымъ“, этимъ-то кое-гдѣ мельгающими чертами живой жизни можно воспользоваться.

II.

Формою для своей повѣсти г. Чеховъ избралъ самую современнѣйшую современность: дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ уѣздовъ пострадавшихъ отъ неурожая. На этомъ фонѣ, на фонѣ голода, авторъ показываетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ. Съ одной стороны выступаетъ уѣздная „интеллигенція“ въ лицѣ доктора Соболя и Ивана Ивановича Брагина, съ другой стороны—помѣщикъ и „ученый“ инженеръ пишущій *Историю оселенныхъ дорогъ*—резонеръ и доктринеръ, и его жена Наталья Гавриловна, дама „не конята“, не пона-

тая, по „райней мѣрѣ“, своимъ мужемъ. Г. Чеховъ, повидимому, противопоставляетъ простоту и простодушіе уѣздной „интеллигенціи“ резонерству „развитаго“ инженера и застаиваетъ этого резонера отступать, такъ-сказать, на всѣхъ пунктахъ.

Простота и простодушіе, конечно, вещи хорошия, но давно уже сказано что иная „простота хуже воровства“,—и вотъ г. Чеховъ не замѣчаетъ что его „интеллигентны“ отличается именно этою самою простотою. Это тѣ же, еще Гоголевскіе, типы, но уже окрещенные именемъ „интеллигенціи“. Вотъ въ чемъ дѣло, и вотъ чего не замѣчаетъ авторъ. Не замѣчаетъ, не выдѣлываетъ своихъ героевъ общими тономъ ихъ поведенія и разговоровъ, ихъ манерой выражаться и держать себя. Прочитывая сцены въ повѣсти г. Чехова, въ которыхъ принимаютъ участіе его „интеллигентны“, невольно припоминаешь нѣсколько строкъ изъ *Мертвые Души*:

„Жители города“, писалъ Гоголь, „и безъ того, какъ мы уже видали въ первой главѣ, душевно полюбили Чичикова, а теперь, послѣ такихъ слуховъ, полюбили еще душевнѣе. Впрочемъ, если сказать правду, они всѣ были народъ добрый, жили между собою въ ладу, обращались совершенно по пріятельски, и бесѣды ихъ носили печать какаго-то особеннаго простодушія и кротости: „Любезный другъ Илья Ильичъ!“ „Послушай, братъ, Антипатръ Захаровичъ!“ „Ты заврался, мамочка Иванъ Григорьевичъ!“ Изъ почтительству, котораго знали Иванъ Андреевичъ, всегда прибавляли „шпрехельнъ ан дейчъ Иванъ Андреичъ!“ Словомъ, все было очень семейственно. Многие были не безъ образованія: председатель па-

7

латы знали наизусть *Людмилу* Жуковскаго, которая еще была тогда не прочитанною новостію, и мастерски читалъ многія мѣста, особенно: „Боръ за-снулъ, долина спитъ“, и слово чу произносилъ такъ что въ самомъ дѣлѣ видѣлось какъ будто долина спитъ, для большаго сходства даже закрывалъ глаза. Почтмейстеръ вдался болѣе въ философію и читалъ весьма прилежно, даже по ночамъ, *Юности ночи* и *Ключъ къ тайнамъ природы* Эпиктетгаузена, изъ которыхъ дѣлалъ песьма длинныя выписки; но какаго рода онъ были, это никому не было извѣстно: впрочемъ, онъ былъ острогъ, цвѣтнсть въ словахъ, и любилъ, какъ самъ выражался, уснастить рѣчь. А уснащивалъ онъ рѣчь множествомъ разныхъ частицъ, какъ-то: „сударь ты мой, втакій какой-нибудь, знаете, понимаете, относительно такъ сказать“ и прочими, которыя слышалъ онъ изъстами; уснащивалъ онъ рѣчь, тоже довольно удачно, подмаргивавіемъ, прищуриваніемъ одного глаза, что все придавало весьма явное выраженіе его сатирическихъ намековъ. Прочіе тоже были люди болѣе или менѣе просвѣщенные: это читалъ Карамзина, кто *Московскія Ведомости*, кто даже и совсѣмъ ничего не читалъ. Кто былъ то что называется тюрюкъ, то-есть человекъ котораго нужно было поднимать плечомъ на что-нибудь; кто былъ просто байбакъ, лежавшій, какъ говорится, весь вѣкъ на боку, котораго даже напрасно было подымать: не встаетъ ни въ какомъ случаѣ. Насчетъ благовидности уже извѣстно, всѣ они были люди нагекные. Всѣ были такога рода которыя жены въ изъвѣныхъ разговорахъ, происходившихъ въ уединеніи, давали названія: пубышки, толстунчина,

пузачина, чернушки, винаи, жузу и пр. Но вообще они были народъ добрый, полный гостепріимства, и человекъ вусившій съ ними хлѣба-соли, или просидѣвшій вечеръ за вистомъ, уже становился чѣмъ-то близкимъ.“

„Интеллигенція“ изображаемая г. Чеховымъ совершенно ничѣмъ не отличается отъ общества описаннаго Гоголемъ — такъ что рѣшительно не знаешь въ чемъ же видѣтъ „прогрессъ“? Конечно, все это не такъ важно: не такъ важно что докторъ Соболевъ ни къ селу, ни къ городу, всѣхъ называетъ „вчеллевецъ“, а Иванъ Ивановичъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ говорить „чепухенція“ и т. п. словечки, но вѣдь и умиляться тутъ особенно нечѣмъ. Позвольте лишь одно замѣчаніе, невольнао напрашивающееся. Что это значить въ самомъ дѣлѣ что, напримѣръ, мужикъ по своему держитъ себя просто и съ достоинствомъ, а „интеллигентъ“ никакъ этого не умѣетъ сдѣлать? Не говорю уже о достоинствѣ, но и простоту онъ подѣлалъ вульгарностью. Не доказываетъ ли это именно полнаго отсутствія какаго бы то ни было внутренняго содержания?

Однако, воротимся къ прерванному. Итакъ, „ученый“ инженеръ г. Чехова никакъ не можетъ освоиться съ извѣднымъ обществомъ, его коробитъ эта вульгарность, принимаемая многими за простоту,—а г. Чеховъ, повидимому, находитъ что причиною этому служатъ довернерство и резонерство его героя. Конечно, доктринерство и резонерство вещи очень плохія, однако, сдается мнѣ, что вовсе не надо быть резонеромъ и доктринеромъ, чтобы не имѣть особаго пристрастія къ обществу мѣщански-вуль-

гарному и распущенному. Тѣмъ не менѣе, „героиня“ повѣсти г. Чехова, Наталья Гавриловна, чувствуетъ себя въ этомъ обществѣ какъ рыба въ водѣ, желаетъ играть въ немъ роль, и вотъ уже одно это наводитъ на мысль что врядъ ли эта дама есть „не понятая натура“, какъ, повидимому, склоненъ думать авторъ, врядъ ли она въ родѣ этакой „Оссіановской женщины“, какъ выражается Стива Облонскій про одну балетную танцорку живущую у него на содержаніи...

III.

Герой повѣсти г. Чехова, отъ имени котораго и ведется разказъ, описываетъ отношенія свои къ женѣ такъ:

„Моя вторая семья, т. е. жена Наталья Гавриловна, жила въ нижнемъ этажѣ, въ которомъ занимала всѣ комнаты. Обѣдала, спала и гостей своихъ она принимала у себя внизу, со всѣмъ не интересуясь тѣмъ какъ обѣдаю, какъ сплю и кого принимаю я. Отношенія наши были просты и невзвѣтны, но холодны, безсодержательны и свучны, какъ у людей которые давно уже далеки другъ другу, такъ что даже ихъ жизнь въ смежныхъ этажахъ не походила на близость. Любви страстной, безпокойной, то сладкой, то горькой какъ полынь, какую прежде возбуждала во мнѣ Наталья Гавриловна, уже не было; не было уже и прежнихъ всплывшій, громкихъ разговоровъ, попрековъ, жалобъ и тѣхъ взрывовъ ненависти которые окаянничались обыкновенно со стороны жены поводомъ за границу или къ роднымъ, а съ моей стороны — посылкой денегъ повемногу, но почаще, чтобы чаще жалеть самолюбіе жены.

79
(Моя гордая, самолюбивая жена и ея родня живутъ на мой счетъ, и жена, при всемъ своемъ желаніи, не можетъ отказать отъ моихъ денегъ, — это доставляло мнѣ удовольствіе и было единственнымъ утѣшеніемъ въ моемъ горѣ.)“

Вотъ какъ поставлено дѣло. Совершенно такъ какъ предписано въ *Крейцеровой Сонатѣ*, — однако выходитъ то да не то.

Но не станемъ забѣгать впередъ, а сперва отыщемъ то небольшое живое члѣдо есть въ повѣсти г. Чехова.

Вотъ какъ рисуются отношенія Натальи Гавриловны къ ея мужу Павлу Андреевичу:

„Жена говорила съ Иваномъ Ивановичемъ и смѣялась. Ея щеки, смѣющійся глазъ (она спѣла ко мнѣ въ профиль) и движенія головы говорили мнѣ: „Для вашего и моего спокойствія я рѣшила при всѣхъ обстоятельствахъ не замѣчать васъ вовсе.““

А вотъ еще. Павелъ Андреевичъ рѣшается пойти къ женѣ внизъ. У нея гости. Черезъ четверть часа послѣ прихода мужа разыгрывается такая сцена:

„— Павелъ Андреевичъ, мнѣ нужно поговорить съ вамп, сказала мнѣ жена.

„Она извинилась предъ гостями и вышла въ сосѣдную комнату. Я всталъ и пошелъ за ней.

„— Вы сію же минуту уйдете къ себѣ наверхъ, сказала она, стоя близко и глядя мнѣ въ грудь.

„— Вы дурно воспитаны, сказалъ я.

„— Вы сію же минуту уйдете къ себѣ наверхъ, рѣзко повторила она, и сдѣлала правой рукой быстрый жестъ, какъ

будто отрывая нитку, и съ ненавистью посмотрѣла мнѣ въ лицо.

„Она стояла такъ близко что еслибъ я немного нагнулся, то моя борода коснулась бы ея лица.“

„Но чѣмъ же такое, сказалъ я,—въ чемъ я такъ вдругъ провинился?“

„Подбородокъ ея задрожалъ, она то-ропясь вытерла глаза, мелькомъ взглянула на себя въ зеркало, и прошептала:“

„Начинается опять старая исторія. Вы, конечно, не уйдете. Ну, какъ хотите. Я сама уйду, а вы оставайтесь.“

„Она съ рѣшительнымъ лицомъ, а я, пожимая плечами и стараясь насмѣшливо улыбаться, вернулся въ гостиную. Здѣсь уже были новые гости: какая-то пожилая дама и молодой человекъ въ очкахъ. Не здороваясь съ новыми и не прощаясь со старыми, я пошелъ къ себѣ.“

Такия и болѣе выразительныя сцены между супругами происходятъ довольно часто—и тѣмъ не менѣе Наталья Гавриловна оказывается „непонятою женщиной“, которой сочувствуетъ „весь уездъ, и даже женщиной съ „Оссановскимъ“ отъѣздомъ. Вотъ почему и выходитъ, хотя и по прописи Толстаго, но вовсе не то.

Не въ обиду будь сказано нашимъ реалистамъ, именно реализма-то у нихъ и нѣтъ. Настоящій реалистъ, какъ, напримеръ, Толстой, только взглянулъ бы на подобную даму, какъ тотчасъ же понялъ бы ее всю, до послѣдней поропинки, понялъ бы что это просто уездная дама, держащая подъ башнякомъ своего, даже не ничтожнаго вообще, а имѣющаго ничтожный характеръ, мужа, что тутъ нѣтъ ничего романческаго, никакой „тонкой психологіи“, а просто есть то что такое

12

„бойкими барынями“, „разухабистыми дамами“ и т. п.

Въ этомъ все дѣло. Влюбленному и находящемуся подъ башнякомъ Павлу Андреевичу простибельно писать: „моя гордая и самолюбивая жена“,—во актиру не простибельно этому вѣрать. Тутъ есть *юморъ* уездной дамы, а не гордость и самолюбіе. Я уже не говорю о совершенномъ отсутствіи у Натальи Гавриловны элементарнаго чувства благодарности къ мужу, который заботится о ней, для нея трудится, работаетъ, хлопочетъ, не у нея нѣтъ и ни малѣйшаго самолюбія, ни малѣйшей гордости, и вотъ почему она чувствуетъ себя такъ удобно въ роли законной содержанки. Ибо женщина, у которой все отношенія къ мужу исчерпываются тѣмъ что она пользуется его деньгами, есть всего только законная содержанка. А въ данномъ случаѣ еще и наглая, не имѣющая самолюбія, но имѣющая гоноръ, таящій точно какъ у Полячка описаннаго Достоевскимъ въ *Брамилѣ Карлазовицѣ*. Но дѣло не кончается этимъ. „Непонятая женщина“ начинаетъ помогать голодающимъ, тоже, конечно, на чужой счетъ, „чтобы найти оправданіе своей жизни“, какъ выражается она. Вотъ она черта современности! И эта „бойкая барыня“, у которой нѣтъ за душой ничего, кромѣ жесткости и нервозной чувствительности, и она лезетъ туда же, и она желаетъ „найти оправданіе своей жизни“. и она думаетъ что находить это „оправданіе“ составляетъ рѣшительныя комитеты изъ уездныхъ „интеллигентовъ“ для пріятнаго препровожденія времени...

Жалкіе люди, жалкіе нравы...

Ю. НИКОЛАЕВЪ